

Сложной является проблема этруской лексики. Лексика в целом очень подвержена заимствованию; заимствования способны изменить облик языка до неузнаваемости. Тем не менее и в лексике существует чрезвычайно устойчивый костяк (см. в этой связи работы А. Б. Долгопольского и В. М. Иллич-Свитыча), выявление которого в этруском оказывается делом крайне сложным ввиду плохой изученности этруской лексики⁹. Можно надеяться, что новые работы Харсекина и других этрускологов¹⁰ приближают нас к решению такого сложного вопроса, как определение генетической принадлежности этрунского языка.

B. B. Шеворошкин

Vl. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. Sofia, 1962, 70 стр. (Académie Bulgare des Sciences. Linguistique Balkanique, V, fasc. 1)

Автор рецензируемой книги, болгарский академик В. Георгиев, известен в нашей стране своими работами в области сравнительного языкознания и исследованиями памятников древних языков Малой Азии и Средиземноморья. Этруским языком он занимается уже более четверти века. За эти годы его взгляды на природу и генетическую принадлежность этого языка претерпели некоторую эволюцию. Если в первых своих работах автор считал его одним из языков «пеласго-лувийской» ветви индоевропейской языковой семьи, подверженных фрако-фригийскому и хеттскому влиянию¹, а затем полагал, что этруский и хеттский (равно как лувийский, ликийский и другие древние эгейско-малоазиатские языки) составляют одну близко родственную группу², то в настоящей работе этруский уже рассматривается им как прямое продолжение хеттского: «Этруский язык есть диалект хеттско-лувийской языковой группы, а именно близко

⁹ Ср. некоторые параллели: этр. *zin-* 'изготавливать': хет. *zinna-* 'изготавливать' (Георгиев — Пифффиг); этр. *tupe* 'наказание' (?): хет.-лув. *tup-* 'бить'; этр. *sta-* 'ставить': хет. [sta] (ср. выше); этр. *tiv-* 'месяц': хет. *siu-* 'свет, день, бог'; этр. *tin(s)-*: кар. **sin- < *dinv-* (в имени бога **sinuri*); этр. *alpa-* 'подарок', *cvl-alp*: кар. *buvse-alp*, *ntalp*; этр. и лид. *alu-* (всюду собств. имена); этр. *tarχ-*: «позднехет.» [*t(a)rχ*] (с характерным переходом хет.-лув. *h* > «позднехет.» и этр. [k]; имеется сходство и в других фонетических процессах, а в синхронном плане — ярко выраженное сходство в структуре этруских и лидийских — а также карийских — слов).

¹⁰ Уже после выхода в свет рецензируемой книги Харсекин опубликовал блестящее исследование по этруским числительным (А. И. Харсекин. К интерпретации этруских числительных. — ВДИ, 1964, № 2). Обращает на себя внимание идентификация *taχ*, *tiu-* в качестве «четверки» (подобная точка зрения высказывалась и ранее, однако без достаточных оснований): ср. хет. *tewa*, лув. *taiaha* (и лиц. *ti-?*) 'четыре'. В 1965 г. выйдет в свет монография очень эрудированного этрусколога А. И. Пифффига: A. J. Pfiffig. Die etruskische Sprache. Versuch einer Gesamtdarstellung. Wiesbaden (O. Harrassowitz).

¹¹ Vl. Georgiev. Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker. Sofia, 1943, стр. 15.

¹² В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ 1954, № 4, стр. 51.

родственныи хеттскому (и его потомку — лидийскому). Этруссий есть не что иное, как продолжение хеттского» (стр. 5) 3.

Рассмотрим, на чем основывается этот важнейший тезис рецензируемой книги.

Работа состоит из нескольких небольших глав. В первой очень кратко, в конспективной форме, излагаются основные явления сравнительной фонетики этрусского и хеттского языков.

Вторая глава (стр. 7—16) составляет основу всей книги. В ней рассматриваются этруssкие и хеттские местоименные формы и их склонение. Очень интересно сравнение парадигм склонения местоимения *этот, эта, это:*

Х етт с к ие	Э т р у с с к ие	
Sing. Nom. (m, f)	<i>kāš</i> 'hic, haec'	<i>ca</i>
Acc. (m, f)	<i>kūn</i> 'hunc, hanc'	<i>cn</i>
Nom., Acc. (n)	<i>ki</i> 'hoc'	<i>ki</i>
Gen.	<i>kēl</i> 'huius'	<i>cel?</i> <i>cal?</i>
Dat., Loc.	<i>kēti</i> 'huic, in hōc, in hāc'	<i>cōtī, calti, clōd(i)</i>
Abl.	<i>kēz</i> 'hōc, hāc'	<i>cēs, cē?</i>
Plur. (N.) Acc. (m, f)	<i>kūš, kēuš</i> 'hos, has'	<i>cus, ceus</i>

Сходство настолько очевидно, что его нельзя не признать, даже если бы из этой таблицы пришлось изъять отдельные этруссские формы, значения которых пока еще не достаточно твердо установлены и поэтому они могут оказаться ошибочными. Такие сомнения вызывает прежде всего толкование этр. *ki*. Единственная надпись, исходя из которой В. Георгиев предлагает свое объяснение этой формы (TLE 718), сохранилась фрагментарно, содержание ее остается спорным, и по этой причине она не может служить достаточным основанием для данного толкования. Во всех других известных нам надписях, содержащих это слово, оно является не местоимением, а числительным ('два'). Следует также уточнить значение этр. *cōtī, clōd(i)*. Это местоимение выступает в этрусских памятниках только в качестве локатива. Дательный падеж соответствующего корня имеет форму *cei* 4.

Из других местоименных форм в данной главе рассматриваются *ara*, *an*, *in*, *ta* и др. Предложенные сравнения с хет. *apāš* 'is, ea', *anniš* 'ille, illa', *eni* 'id', *eta*-, *ita*- 'is, ea, id' ('este') не вызывают возражений. Жаль только, что автор не всегда достаточно строг в отборе используемых материалов. Так, на стр. 13 он толкует этр. *ti* как Acc. Sing. (n) к *ta*, т.-е. 'hoc, istud'. Такое значение, по его мнению, вытекает из надписи TLE 259. Однако указанная надпись (*tinia : ti...*), высеченная на жертвенике из Орвието, сохранилась лишь фрагментарно, поскольку часть камня утрачена. После *ti* у самого края излома в ней отчетливо видны следы еще одной буквы, вероятно *n*. Данное слово следует, очевидно, восстановить *tin[sc]vil*. В этом случае мы получим формулу *tinia tinscrl* 'Юпитеру и Диоскурам', обычную для аналогичных этрусских памятников. Что касается предполагаемого местоимения *ti*, то оно просто не существует.

3 Вопрос о возможном родстве этрусского и хеттского языков впервые был выдвинут чешским ученым Б. Грозным еще в 1928 г. на I Международном съезде этрусологов. Он, в частности, отметил ряд общих элементов в морфологии и словаре обоих языков, сходство в наименованиях ряда божеств, а также некоторую общность в религиозных представлениях этрусков и хеттов. Об этом см.: B. H r o z n ý. Etruskisch und die hethitischen Sprachen. — «Atti del 1° Congresso internazionale Etrusco...» Firenze, 1929, стр. 189—191, а также его одноименную статью в «Zeitschrift für Assyriologie» IV, 1928, стр. 171—184.

4 Cp.: M. Pallottino. Elementi di lingua Etrusca. Firenze, 1936, стр. 48.

Весьма вероятным представляется предложенное В. Георгиевым объяснение элемента *-ts* в таких словах, как *santiš-ts*, *ϑarpes-ts* и др., как энклитически употреблявшегося притяжательного местоимения и его сближение с аналогичными хеттскими энклитиками. Благодаря этому становится понятным, почему до сих пор не удавалось обнаружить в этрусских текстах ни одного самостоятельно употребленного притяжательного местоимения.

Ко второй главе логически тесно примыкает третья (стр. 16—26), трактующая систему этрусского и хеттского именного склонения. Автор рассматривает падежные формы от *tin* 'Юпитер', *ϑesap* 'Аврора, утренняя заря' и *tivr* 'луна, месяц'. Но речь идет всего лишь о двух рядах флексий: *-as*, *-s*, *-s* как показателе Gen. Sing. (= хет. *-aš* — Gen. Sing. и Gen., Dat., Loc. Pl.) и *-i*, *-ia* как признаке Dat. и Loc. Sing. (= хет. *-i*, *-(i)ya* — Dat.-Loc. Sing.).

Отдельно выделено склонение основ на *-ai* (стр. 19—22). Здесь, кроме уже отмеченных падежных окончаний, автор сопоставляет этр. *-au* (в *eterav*, TLE 169) с хет. Acc. Pl. *-auš*, *-āuš*, но именно указанная им (но не объясненная) надпись дает основания полагать, что в данной форме следует усматривать не Acc., а Gen. Pl. (*zilaθ eterav* — 'трибун(?) плебеев').

Трудно согласиться с тем, что на основании этих скромных данных можно сделать достаточно убедительные выводы об унаследовании этрусским языком хеттской системы именного склонения. Гораздо правильнее, на мой взгляд, было бы предположить, что данные формы (так же как и другие, безусловно, известные автору этрусские именные флексии: *-u*, *-t* (-*ð*), *-ti* (-*ði*), *-eri* и др.) являются отражением общесиндоевропейских падежных форм.

О большей близости этрусского к хеттским, чем к другим индоевропейским языкам, могли бы свидетельствовать такие (не упоминаемые автором, но уже ранее известные) факты, как этрусский генитив на *-l* и хеттский местоименный генитив *-l*; этruscкие и хеттские родовые имена с этим же окончанием; этрусский суффикс мн. числа *-rē*, первоначально имевший, вероятно, собирательное значение, и распространенный хеттский суффикс *-r-*, употреблявшийся для образования отвлеченных и собирательных имен, и нек. др.⁵

Четвертая глава посвящена исследованию глагольных форм. Этр. *eṣti* сравнивается с хет. *eṣti* 'sum', этр. окончания *-u(n)*, *-χu(n)* — с хет. *-uṇ*, *-bbuṇ*; *-χ(e)*, *-c(e)* — с хет. *-bbi*. Надо, однако, отметить, что выдвинувшее автором толкование этр. *eṣti* 'sum' на основании единственной надписи (TLE 771), где само чтение этого слова не является несомненным, представляется недостаточно убедительным. Трудно также согласиться с тем, что этрусское окончание *-ce*, *-χe* служило, подобно хет. *-bbi*, для образования 1-го лица ед. числа наст. времени. Контексты многочисленных этрусских надписей, в которых встречаются данные формы, свидетельствуют о том, что в них следует усматривать 3-е лицо ед. числа прош. времени (вероятно, перфекта, подобного греческому перфекту на *-χε*). Дополнительных доказательств требует также объяснение окончаний *-u(n)*, *-χu(n)* как 1-го лица ед. числа прош. времени. Контекст двух приведенных автором надписей не настолько ясен, чтобы на этом основании судить о значении указанной формы. Материалы же других надписей (которые автором не приводятся) позволяют предположить, что данное окончание является признаком либо 3-го лица прош. времени, либо одной из причастных форм (ср., например, TLE 99, 165, 173 и др.). Недостаточно убедительна также трактовка некоторых этрусских форм на *-l* (*acil*, *ril*) как причастных образований (стр. 29—30).

Последняя, наибольшая по объему глава, посвящена рассмотрению словарных соотвествий (стр. 33—55). В небольшом вступлении автор за-

⁵ Ср.: В. Игроны́. — «Atti...», стр. 190.

мечает, что «этруссийский словарь ясно (*unzweideutig*) проявляет свое хеттское происхождение» (стр. 33). Однако сами словарные материалы меня в этом, к сожалению, не убеждают. Как известно, для определения языкового родства (а тем более такого близкого родства, о каком идет речь в книге) наиболее важны соответствия в словах основного фонда: терминах родства, числительных первого десятка, наименованиях природных явлений, наиболее употребительных глаголах и т. п. Но именно эти категории слов в работе В. Георгиева почти не рассматриваются. Словарные сравнения проводятся преимущественно на материале, не относящемся к основному фонду. В тех же редких случаях, когда сравниваются слова, принадлежащие к указанным категориям, этимологии обычно имеют такой характер, что могут свидетельствовать лишь об общем происхождении части этруссского и хеттского словаря, но не о развитии одного из другого. Так, например: этр. *ais*, *ais* 'бог' сравнивается с хет. *išbāš* 'хозяин, господин'; этр. *ceri-xu* 'построил' — с хет. *keb-r-i*, греч. χείρ 'рука'; этр. *θesan* 'утро, утренняя заря' — с хет. *teša-*, *teši* 'жаркое время года' и т. д.

Достойно сожаления то, что в отдельных случаях в работе встречаются досадные недосмотры, упущения и довольно странные толкования. Так, на стр. 33 этр. корень *ac-* сопоставляется с хет. *ak(k)-* 'умирать, быть умерщвленным'. Наличие этого корня автор усматривает и в таких формах, как *acsī*, *acsīš*, засвидетельствованных, в частности, в надписях CIE 3811 (свинцовая пластинка,ложенная под крышку пепельной урны): *arn̄d acsīš. anei nal. clan* — CIE 3834 (крышка пепельной урны); *arn̄d. acsī. capruntial*, которые он соответственно переводит: «Арнт умирает (умерщвляется), сын А» и «Арнт, умри (будь умерщвлен) (ты, сын) К.» При этом он предупреждает читателей, что мнение, будто *acsī*, *acsīš* являются собственными именами, неправдоподобно (там же). В действительности же речь идет именно о собственных (родовых) именах, и трудно поверить, чтобы автору не было известно, что данные формы засвидетельствованы не только в двух упомянутых им надписях, но и в 23 других, обнаруженных вместе с ними в усыпальнице рода Аксе вблизи усадьбы Палаццоне (область Перузии) и опубликованных в CIE (3809—3834). Все они содержат обычные ономастические формулы, и те две, перевод которых так запутан Георгиевым, в действительности следуют перевести: CIE 3811: «Арнт Акси, Анейний сын»; CIE 3834: «Арнт Акси, Каprungtius (сын)».

Давая общую оценку рецензируемой книге, следует иметь в виду исключительную сложность поставленных вопросов и те многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться автору, понятные каждому, кто когда-либо занимался изучением скучно сохранившихся и еще не полностью дешифрованных памятников древних языков. Нельзя ожидать, чтобы все сразу стало ясным, все трудности были бы устранены, а все доказательства бесспорны.

Хотя основной тезис, заключающийся в том, что этруссийский язык представляет более позднюю ступень хеттского, нельзя считать достаточно обоснованным, книга В. Георгиева содержит много интересных наблюдений и новых соображений. Собранные в ней материалы заставляют думать о наличии родственной связи (хотя и не такой близкой, как полагает автор) между этруссским и хеттским языками. Уже одно это имеет исключительную важность. Книга, несомненно, привлечет внимание специалистов и активизирует дальнейшие исследования в этом направлении. Поэтому у рецензента нет оснований сомневаться в том, что она будет полезной для всех, кто имеет то или иное отношение к исследуемой проблеме.

А. И. Харсекин